

ԹՅՈՒՐՔԱԼԵԶՈՒ ԺՈՂՈՎՈՒՐԴՆԵՐ

ЗАВОЕВАНИЕ ТЮРКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В X-XI ВВ. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ ПЕРВЫХ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

X-XI вв. важный период в истории стран и народов центральноазиатского макрорегиона. В его оседло-земледельческих областях, к концу IX в. были преодолены разрушительные последствия арабского завоевания, их зависимость от Арабского (Аббасидского) халифата ослабла, а реальная власть вернулась в руки местных элит. Политическая стабильность и внешняя безопасность создали исключительно благоприятные условия для экономического подъема, развития городской жизни и международной торговли, роста благосостояния населения, расцвета духовной культуры. Многообразное творчество энциклопедистов ал-Хорезми, Рози, Фараби, ибн Сина, поэтические шедевры, созданные Фирдоуси, Рудаки, Балхи, Дакики и др., заставляют ученых сравнивать исследуемый период с эпохой Ренессанса¹.

¹ Впервые понятие «возрождение» для обозначения полосы культурного и литературного подъема в странах Востока ориенталисты начали употреблять еще в начале прошлого XX в., причем, если Э. Браун вкладывал в это понятие скорее оцененный смысл, то А. Мец акцентировал внимание на восприятии элементов античного культурного наследия, что сближало «восточный Ренессанс» с европейским. Более точно к трактовке этого вопроса подошел Р. Фрай, определявший как Ренессанс культурный подъем, который происходил в X-XI вв. в Центральной Азии при Саманидах, а затем в Западном Иране при Буидах, при том, что в первом случае преобладало литературное начало, а во втором – философское. См.: Browne E. A literary History of Persia. – London; Cambridge, 1902-1924. – Vol. I-IV; Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М., 1963; Frye R. Notes on the Renaissance of the 10-th and 11-th centuries in Eastern Iran // Central Asiatic Journal 1. – Vol. I. - № 12. Указанный всплеск интеллектуальной деятельности оказал большое и благотворное влияние не только на страны мусульманского Востока, но и на христианский Кавказ. См.: Чалоян В.К. Армянский Ренессанс. – М., 1963.

Тем не мене, несмотря на свои немалые достижения, уже в XI в. местное возрождение выдохлось, подорванное крушением главного регионального интеграционного проекта – державы Саманидов. Падение Саманидов было связано не с попыткой арабской реконкисты в Центральной Азии, а с ее завоеванием северными соседями – тюркскими племенами. Разделенные на множество субэтнических (родоплеменных, клановых и т.п.) групп, тюрки не создали своего единого государства, а разделили завоеванный регион между несколькими, яростно враждовавшими между собой государственными образованиями. Их безраздельное господство в Центральной Азии продолжалось до первой половины XIII в., когда тюркских завоевателей сменили новые захватчики монголы.

Проникновение тюрков в центральноазиатское междуречье и соседние с ним области началось задолго до их силового захвата в XI вв. В течение VIII-IX вв. тюрки в больших количествах переселялись в Мавераннахр, Тохарстан, Хорасан, Хорезм и Фергану в связи, с чем доля тюркского субстрата в населении местных оазисов неуклонно возрастала. Этому процессу способствовали несколько причин.

Во-первых, в период арабского завоевания произошло существенное расширение северо-восточных границ центральноазиатской ойкумены. В ее состав, (в состав Хорасанского наместничества Арабского халифата) были включены периферийные области правобережья Сырдарьи, лежавшие на границе (Уструшана, Ферагана, Чач, Илак), а некоторые и за границей (Испиджаб, Хафтруд), примыкавшей к Мавераннахру обширной степной зоны, населенной кочевыми тюркскими племенами. Интеграция этих областей вела к вовлечению местного населения в общерегиональную производственно-торговую экономическую систему, в основе которой лежала торговля по Великому Шелковому пути. Кочевники-тюрки играли в ней важную роль, - на значительном протяжении трансконтинентальной торговой трассы они исполняли роль проводников, охраняли караваны и места их стоянок (караван-сарай).

Во-вторых, в военно-политической жизни государств региона в этот период все большее значение приобретают отряды тюркских вооруженных наемников, поступающих на службу к многочисленным центральноазиатским властителям. Парадоксально, но одновременно с успешным развитием торговли, ремесел, ирригационного земледелия, с возвращением языка фарси в государственное делопроизводство, местное население все больше предпочитало занятия коммерцией и госслужбу тяжелой и рискованной военной карьере. Показательным в этом смысле является неизбежный переход вооруженных сил Саманидов от народного ополчения и отрядов газиев (стража многочисленных пограничных крепостей на границе оазисов и тюркских кочевий) на «профессиональные» отряды во главе с тюркскими предводителями, укомплектованные их соплеменниками (а зачастую и родственниками).

До середины X в. в отношениях саманидских правителей и их наемников царило взаимопонимание. Тюркские сабли надежно защищали обширные владения династии, а также пресекали мятежи недовольных вельмож и народные выступления. Однако со временем, в этих отношениях усиливается отчуждение, вылившееся в последствии в многочисленные измены тюркских военачальников, обусловившие военный крах правящего режима. Подобное стало возможным ввиду неприятия тюрками религиозных и шире идеологических экспериментов, которые стали возможными при Саманидах и в которых последние сами принимали активное участие.

Отстаивая независимость своих владений и, укрепляя собственную власть, Саманиды, как и их предшественники Бармакиды, Тахириды, Саффариды вступали в конфликт с Арабским халифатом, политически объединявшим все пространство населенное мусульманами. Фактически, их политика являлась формой народно-освободительного движения народов Центральной Азии, направленного против иноземных захватчиков. Необходимость в собственных парадигмах государственного и социального строительства, намеренно альтерна-

тивных арабским как навязанным извне, подталкивала упомянутые восточноиранские (таджикские) аристократические дома к апелляции к местной центральноазиатской аутентичности. Тем более что подобная политика находила живой отклик и поддержку у большинства подданных.

Его проявлением является возникновение и распространение в регионе поэзии шуубизма. Хотя и арабоязычная, она высмеивала нравы арабских кочевников-бедуинов, подчеркивала их дикость и не цивилизованность в сравнении с преимущественно городским населением Ирана и Центральной Азии². После возвращения языка фарси в делопроизводство, получает широкое распространение фарсиязычная литература, не только использующая родной язык, привычные формы и образы, но и воспевающая местные традиции.

При Саманидах литература открыто стала проповедовать новую государственную идеологию, основанную на реабилитации и героизации доисламского прошлого региона, призванную обосновать необходимость его самостоятельного (без Халифата и остального мусульманского сообщества) развития с опорой на собственные силы. Выполняя заказ правящей династии, Абумансур Мухаммад ибн Абдараззак по сохранившимся сасанидским книгам и устным эпическим поэмам восстановил в прозе исторический свод «Шахнаме» (Книга владык) – тенденциозную историю иранских династий, от легендарных авестийских Каенидов до исторически достоверных Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов.

По указанию эмира Нуха Саманида (976-997 гг.) поэт Абумансур Дакики предпринял попытку переложить сочинение Абдараззак в стихотворную форму, прерванную, правда, убийством поэта в 977 г. Анофеозом работы над «Шахнаме»

² Очевидная антиарабская направленность шуубистской поэзии вызывала жесткую ответную реакцию со стороны халифатских властей. Так поэт Абдаллах ибн ал-Мукаффа был казнен в 759 г., был засечен до смерти Башшар ибн Бурд Тохаристани. Абунавас (VIII в.), первый раскрывший тему вина и богохульства и в этом смысле, ставший предтечей Омар Хайяма, был подвергнут остракизму.

стало подключение к ней Абулкосима Фирдоуси. Его поэтический гений произвел на свет шедевр, по размеру превышающий «Илиаду» и «Одиссею» вместе взятые. Великая поэма Фирдоуси по сути гимн древнему и раннесредневековому Ираншахру – стране ариев, великой империи, населенной легендарными героями, могучими государями – предтечами современных автору саманидских эмиров. Сакральная география «Шахнаме» выглядит таким образом, что именно Ираншахр, а не Аравия с Меккой является центром земли, колыбелью человеческой цивилизации. Вполне в традициях древних эпических гимнов не иранские (не арийские) народы напротив изображаются Фирдоуси как несимпатичные, злобные, мстительные и вероломные³

Обычно аполитичные тюркские бойцы, за деньги и почести готовые служить любому (правоверному) властителю и рубить головы кому угодно, в том числе и своим соплеменникам, были явно не готовы принять подобные великодержавные, отчасти шовинистические экзерсисы таджикской духовной элиты. Их раздражали и откровенно антиарабские, а кое-где уже и антиисламские пассажи придворных поэтов. Так, главный враг авестийских ариев – царь Заххок – демон пустыни, в «Шахнаме» уже наделяется чертами злого арабского царя, пытающегося подчинить себе Центральную Азию⁴. А Дакики и вовсе дописался до необходимости отказа от ислама и возвращения к зороастрийской вере предков. В переводе В. Левика это выглядит следующим образом:

И добро и зло Дакики изведал,
Ныне жаждет он четырех услад:
То – коралл вина, вера Заратуштры,
Чанга нежный стон, алых губ гранат⁵.

³ Негматов Н.Н. Сюжеты эпоса в искусстве Уструшаны и „Шахнаме“ Фирдоуси // Памяти устода Рудаки. – Т. I. - Душанбе, 1978, с. 92-102.

⁴ Птицын Г.В. К вопросу о географии “Шахнаме” // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Л., 1947. – Вып. V, с. 303.

⁵ Антология таджикской поэзии с древнейших времен до наших дней. – М., 1951, с. 109.

Аналогичные негативные эмоции вызывали скрытые и явные симпатии саманидских правителей к еретическому движению карматов, имевшему большой успех среди центральноазиатского городского населения. Не вдаваясь в сущность карматского учения, вряд ли понятного не мусульманам, а также в его социально-экономическую подоплеку (любимую советской историографией), отметим главное – карматы предлагали иной ислам, отличный от официальной религии Аббасидских халифов, неподконтрольный им. Это само по себе привлекало к новому учению симпатии, как правящих кругов, так и близкой к ним по духу интеллигенции, например самого Рудаки. Усилившееся карматское движение, уступки эмира Насра II (907-914 гг.) руководителям карматов вместо решительных мер правительства против них обусловили недовольство и среди ортодоксального мусульманского духовенства. Недовольные группы: тюркская дворцовая гвардия, часть знати и духовенства составили заговор. Его участники планировали устроить ночной пир военачальников в честь предстоящего похода против кочевников, на этом пиру убить Насра, а заодно перебить и всех последователей ненавистной ереси. Однако о готовящемся покушении узнал сын эмира Нух ибн Наср. Предупрежденный эмир, обманом заманил к себе главаря заговорщиков и казнил его. Затем вместе с сыном он явился на устроенный пир, объявил о раскрытии заговора и эффектно бросил к ногам пирующих полководцев голову их незадачливого предводителя. Впрочем, Наср тут же заявил об отречении от престола в пользу своего сына Нуха, которого до сего момента никто не подозревал в особых симпатиях к карматству.

Тем не менее, тюркская гвардия все-таки захватила власть в столице (Бухаре), выдвинув в качестве нового руководителя восстания дядю Нуха - Ибрагима ибн Ахмада. Лишь с большим трудом эмиру удалось тогда справиться с мятежниками, захватить и ослепить Ибрагима, и его ближайших сторонников.

В период правления следующего эмира Абдулмалика ибн Нуха (954-961 гг.) произошли события, послужившие прологом к падению державы Саманидов и захватом ее территории тюркскими орами. В это время на пост главного хаджиба выдвигается начальник гвардии и крупный феодал тюрк Алп-тегин. Вместе с просвещенным визирем Абуали Бальами, он сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране. Однако дворцовым интриганам удалось посорить эмира с Алп-тегином, после чего последний попал в опалу. Впрочем, ему хватило сообразительности не дожидаться расправы и бежать со своими сторонниками на периферию. По-видимому, с Алп-тегином ушло достаточное количество преданных своему командиру и хорошо подготовленных бойцов. Во всяком случае, им удалось захватить Газну (античн. Гандхара), а в последствии и целый ряд прилегающих к ней афганских и индийских земель. После смерти Алп-тегина в 963 г., их боевое братство не распалось, напротив на должность преемника и нового военного вождя был избран его шурин Сабук-тегин. Таким образом, на восточных границах саманидского эмирата возникло устойчивое государственное объединение, известное как государство Газневидов. Газневидским тюркам суждено было сыграть важнейшую роль в тюркском завоевании и последующем переделе Центральной Азии.

Полномасштабной тюркской агрессии владения Саманидов подверглись в правление эмира Нуха II (976-997 гг.), вынужденного отражать сильнейший натиск орд караханидов, обрушившийся на северо-восточные границы эмирата. Несмотря на кажущуюся рыхлость внутреннего устройства государства Караханидов, фактически это было даже не государство в строгом смысле этого слова, а союз тюркских кочевых племен (ягма, карлуков и др.) оно обладало мощным военным потенциалом. Собранные караханидами в Хафтруде и Кашгаре многочисленные конные отряды, в 992 г. стремительно ворвались в Мавераннахр.

Начавшаяся война вскрыла военное бессилие государства Саманидов, перед лицом тюркского нашествия. Крупные военачальники тюрки по происхождению не поддержали своего правителя, а хорасанский наместник Абуали Симджури, бывший втайне заодно с караханидским вождем Богра-ханом открыто отказал эмиру в помощи. Посланный навстречу врагу полководец Фаик перешел на его сторону, и войско было разбито. Поднять же народ под лозунгом религиозной войны было уже невозможно ввиду распространения ислама среди тюрков. Караханидские войска легко овладели столичной Бухарой, а Нух принужден был спасаться бегством. Положение спасла только внезапная смерть Богра-хана, после которой захватчики, основательно ограбив Бухару, вернулись домой.

Возвратившийся в Бухару Нух, обратился за помощью к Сабук-тегину, правителю Газны и с его помощью разгромил мятежные силы Абуали Симджури и Фаика в Хорасане, а также в районе Балха. За эту услугу наместничество Хорасана было передано сыну Сабук-тегина – Махмуду. Тем не менее, в 995-996 гг. северо-восточные области, в бассейне Сырдарьи переходят под контроль Караханидов. Здесь образовывается ферганский удел с центром в Узгене, который достался Арслан-илеку Насру. В Хорасане и Мавераннахре напротив чрезвычайно усилилось влияние другой тюркской династии - Газневидов.

В 997 г. к власти пришли Мансур ибн Нух Саманид (997-999 гг.) и Махмуд Газневи (997-1030 гг.). Боясь их растущего сближения, сторонники прокараханидской ориентации при саманидском дворе, правитель Нишапура Бектузун и вернувшийся на службу Фаик ослепили своего государя и возвели на престол его брата Абдулмалика ибн Нуха. Это послужило поводом к вооруженному вмешательству Махмуда, который принудил самозванца уступить ему сначала левобережную часть бассейна Амударьи, а затем и весь Хорасан⁶.

⁶ Абу-л-Фазл Баїхаки. История Масъуда (1030-1041) / Пер. с перс., введ., комм. и прил. А.К. Арендса. – М., 1969, с. 776-779.

Таким образом, в 999 г. под властью Саманидов остался лишь Мавераннахр. Неудовлетворенный одним только ферганским уделом, караханидский илек Наср ждал лишь удобного случая для захвата богатых оазисов Мавераннахра. Случай представился ему летом того же 999 г., когда Абдулмалик потерпел поражение от Махмуда Газневи в борьбе за Хорасан и бежал в Бухару вместе с дважды изменником Фаиком. Сюда же стекались остатки разгромленного саманидского войска. С внезапной смертью Фаика, рухнули надежды Абдулмалика на успешное продолжение борьбы и возвращение Хорасана. Сам он не обладал ни авторитетом, ни энергией необходимой для консолидации растерявшихся сторонников. В этот момент илек Наср начал свой поход на Бухару. Подойдя к Бухаре, хитрый хан, заверив доверчивого эмира в своей дружбе, выманил и захватил, вышедших для его торжественной встречи военачальников Абдулмалика. Накануне решающих боестолкновений армия Саманидов вновь оказалась обезглавленной⁷.

Видимо, после этого Саманиды прибегли к последнему средству, а именно – через проповедников в мечетях обратились к населению Бухары с призывом помочь в борьбе с нашествием Караханидов. Однако бухарцы отнеслись к этому призыву довольно холодно и в свою очередь обратились за советом к авторитетным факифам (мусульманским законникам). Памятуя о карматских симпатиях и саманидских амбициях Саманидов последние вынесли фатво согласно которому выходило так, что если Саманиды и Караханиды борются за власть, а не за веру, то мусульманам не стоит вмешиваться и напрасно проливать кровь.

23 октября 999 г. Наср занял Бухару и остановился во дворце эмиров. Не сумев организовать сопротивление, Абдулмалик пытался скрыться, но был схвачен и вместе со своим братом

⁷ В.В. Бартольд считал, что саманидские военачальники добровольно сдались, Насру, то есть имела место очередная тюркская измена. См.: Соч. – Т. I. с. 329.

Абуибрагимом Исмаилом ибн Нухом и другими членами правившего дома отправлен в Узген и заточен в темницу.

В этой ситуации единственным представителем свергнутой династии не опустившим руки и проявившим настойчивость в борьбе за ее реставрацию стал Абуибрагим Исмаил. С помощью обслуживавшей его невольницы он бежал из заточения, сначала скрывался в Бухаре, а затем перебрался в Хорезм. Здесь он стал собирать уцелевшие войска и принял почетное прозвище «ал-Мунтасир» («Победоносный») как свидетельство серьезности своих планов и намерений. В 1000 г. его хаджиб Арслан Балу выступил к Бухаре, разгромил стоявшие здесь караханидские войска и вновь занял город. Остатки разбитых тюркских отрядов отступили к Самарканду, преследуемые Арслан Балу. Навстречу ему из Самарканда выступил брат хана наместник Самарканда Джафар-тегин, объединивший все караханидские силы стоявшие в Мавераннахре. В сражении у моста через Зеравшан Джафар-тегин потерпел жестокое поражение и попал в плен с большим числом своих беков. Все они были заключены в тюрьму в качестве заложников за родственников Мунтасира, находящихся в узгенском плену.

После победы Мунтасир вступил в Бухару, приветствуемый ее жителями как законный правитель. Бухарский монетный двор стал чеканить монеты с его именем. Однако когда караханидский илек Наср направил против него свои основные силы, Мунтасир не смог оказать им должного сопротивления. Оставив Бухару без боя, он отступил в Хорасан, где продолжил свою борьбу, но теперь уже против Махмуда Газневи. В начале он добился частичных успехов и в марте 1001 г. даже занял столицу края Нишапур. Однако вскоре должен был оставить его и отступить дальше на запад к Рею. Обеспокоенный возможностью сговора Мунтасира с Караханидами, Махмуд Газнев отправил к Насру посольство. Был заключен союз,

скрепленный браком Махмуда и дочери Насра, а также установлена граница двух государств по Амударье⁸.

В сентябре 1001 г. Мунтасир снова взял Нишапур, но в сражении под Серахсом был разбит и остался лишь с небольшим числом своих сторонников. В отчаянных поисках союзников Мунтасир обратился к бывшим вассалам Саманидов огузам (гузам)⁹. Конфедерация этих тюркских племен располагалась в низовьях Сырдарьи, ее политическим центром был город Янгикент. Хотя часть, входивших в нее племен, вела оседлый образ жизни, основная масса занималась традиционным кочевым скотоводством. Заинтересованность в расширении кочевий и приобретении новых баз для зимовок толкала огузскую аристократию на постоянные набеги. То есть по своей агрессивности конфедерация огузов ничем не уступала караханидской, собственно на это и рассчитывал Мунтасир.

Вначале события казалось, подтверждали правильность сделанного выбора. С помощью новых союзников в августе 1003 г. ему удалось разгромить войска Насра илекхана. Победителям досталась огромная добыча, множество пленных, в том числе 18 знатных военачальников и огузы были не прочь договориться с Караханидами, имея в руках таких знатных пленников. Мунтасир, опасаясь сговора огузов с врагами, принял решение отступить и искать других союзников.

Поздней осенью 1003 г. с 700 пешими и конными воинами он переправился через Амударью и обратился к Махмуду Газневи с просьбой помочь ему вернуть Бухару. В ответ последний предоставил в распоряжение Мунтасира город Абиверд. Видимо, по его же указанию, наместник в Нисе тоже провозгласил хутбу с именем Мунтасира. Под Дабусией Мунтасир наконец

⁸ Kitab Zainu'l Akhbar, composed by Abusaid Gardizi, ed. Myhammad Nazim. – London, 1928. – p. 63.

⁹ Об огузской конфедерации см.: Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. – 1947. – № 3. с. 55-102; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – с. 273 и сл.; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. – Ашхабад, 1969.

вновь разбил войска илехана. И что самое главное в Мавераннахре, наконец, началось народное движение за восстановление власти Саманидов. К нему присоединился предводитель самаркандских газиев Харрис, известный под прозвищем Ибн Аламдор, со своим трехтысячным отрядом. Кроме того, городские шейхи Самарканда дали ему в помощь 300 гулямов. Вновь выразили желание встать под командование Мунтасира и огузы.

Укрепив, таким образом, свои силы, он в мае 1004 г. в битве при Бурнамаде (Зап. Уструшана) разгромил, теперь уже самого илека Насра, который бежал в Фергану для сбора нового войска. Преследуя его, Мунтасир атаковал противника на равнине между Джизаком и Хавасом. Но цепь измен и предательств продолжалась. Огузы, захватившие в предыдущей битве богатую добычу, вновь отказались от продолжения борьбы. А в самый критический момент сражения один из крупных тюркских военачальников с четырьмя тысячами своих воинов перешел на сторону противника. Это предрешило исход сражения, и Мунтасир снова бежал в Хорасан.

Но даже после этого, Абуibraгим Мунтасир не прекратил своих отчаянных попыток реставрации поверженной династии. Перебываясь из одного района Хорасана в другой он нигде не находил себе места. Наконец, зимой 1004-1005 гг. он в четвертый и последний раз появился в Мавераннахре. Однако воины, утомленные поражениями, неудачами и бесплодными скитаниями, сообщили людям Насра о его местонахождении. Правда, Мунтасиру в этот раз удалось скрыться от погони, но уже в начале 1005 г. он был предательски убит арабом-бедуином, у которого остановился на ночлег¹⁰. Мунтасир остался единственным представителем дома Саманидов, боровшим-

¹⁰ Фролова О.Б. К вопросу об источнике сведений Ибн ал-Асира о правлении Саманидов (X в.) в Средней Азии // Памяти акад. И.Ю. Крачковского. – Л., 1958. – С. 36-43. Ibn-el-Athiri, *Chronicon quod perfectissimum inscribitur* ed. C.J. Tornberg, I-XIV, Ups, 1851-53 et Lugduni Batavorum 1867-1876. – T. IX. с. 113

ся за возобновление его власти над Мавераннахром. Его личное поражение означало окончательное прекращение господства местных династий и переход его в руки тюркских завоевателей.

На руинах разгромленного эмирата возникли две мощные военные тюркские империи, поровну поделившие саманидское наследие. Караханидам достались Фергана, Чач (Ташкентский оазис), Илак, Уструшана, Испиджаб, множество мелких горных владений в верховьях Кафирнигана, Вахша и Пянджа – Хутмаль, Чаганиан, Бадахшан, Кабадиан, Дарваз, а также огромные Бухарский и Самаркандский оазисы. Газневиды получили контроль над Гератом и Тохаристаном (античн. Бактрия) с центром в Балхе. В состав их владений вошел расположенный в бассейнах Мургаба и Герируда богатый Хорасан, со значительными по тем временам городами Нишапуром, Мервом, Абивердом, Тусом, Нисой, Серахсом и деревней Санабад (нынешняя столица региона г. Мешхед). Овладев Гурганом, газневидские отряды достигли Каспия, а затем подчинили себе Хорезм. Третий активный игрок огузы остались без наследства и были временно выведены из активной геополитической игры.

Положение центральноазиатских земель оказавшихся под тюркским владычеством было исключительно тяжелым. Поскольку у лихих степных наездников в принципе отсутствовали навыки управления государством, вся их внутренняя политика сводилась к запугиванию и грабежу покоренного населения с целью выколачивания средств для продолжения междоусобной вооруженной борьбы. Окрыленные победой над Мунтасиром, Караханиды попытались развить успех и уже в 1006-1007 гг. вторглись в Хорасан. Однако неизменно удачливый в войнах Махмуд Газневи отразил вторжение, разбив противника в пух и прах. Поражение Караханидов было столь убедительным, что больше они никогда не пытались проверять на прочность обороноспособность Газневидов, довольствуясь завоеваниями к северу от Амударьи. Перехвативший инициативу и первенство Махмуд Газневи сам перешел в наступление.

Подавив восстания бунтующих провинций, сильно потеснив в Иране Буидов, он увлекся походами в Индию.

Его многочисленные кампании, разорительные для мирного населения, с чисто военной точки зрения были успешными, приносившими богатую добычу и громкую воинскую славу. Вокруг имени удачливого кондотьера образовался ореол непобедимости, привлекавший в его дружину множество тюркских бойцов, желавших причаститься славных побед. В то же время, постоянное игнорирование интересов местных элит в угоду тюркской военной верхушки подрывало центральную власть, делало ее положение на завоеванных землях неустойчивым. Оба упомянутых фактора стали причинами переселения части племен огузов из Приаралья на территории подконтрольные Газневидам. Для усиления контроля над северо-западным пограничьем своих владений, стратегическим тылом его семнадцати индийских походов, Махмуд Газневи разрешил огузам поселиться в районе Абиверда, Серахса, Нисы и Мерва, обязав защищать порученные территории от внешних и внутренних врагов.

Пока был жив великий воин, огузы блюли вассальную верность, но после 1030 г. их поведение по отношению к преемнику Махмуда Масуду стало дерзким. Огузские вожди из рода Сельджука Тогрул-бек и Чагры-бек намеренно провоцировали конфликт, намереваясь выйти из повиновения, а заодно прихватить часть центральноазиатских владений своих прежних сеньоров. Война вспыхнула в 1038 г. За пять лет сельджуки наголову разбили неудачливого Масуда, отняв у Газневидов все территории к северу и западу от Гиндукуша и вытеснив их в Газну и Пенджаб.

Дальнейшая экспансия сельджуков развивалась по восходящей. Нейтрализовав центральноазиатских конкурентов, они обратились на запад. Одерживая одну победу за другой, сельджуки захватили Иран, взяли Багдад, вытеснили византийцев из Армении и Малой Азии и дошли до Босфора. Эти феноменальные успехи сопровождались жестокими экзекуциями покоренно-

го населения. Многие города Востока, такие как Исфахан или Шираз были превращены в руины.

Для Центральной Азии, эпоха, последовавшая за падением государства Саманидов и его тюркским завоеванием, стала периодом политической нестабильности, экономического упадка и серьезного культурного кризиса. На сто с лишним лет она превратилась в арену жестоких вооруженных столкновений между сельджукскими султанами, вечно бунтующими против них местными тюркскими эмирами, а также Газневидами, не оставлявшими попыток вернуть утраченное влияние на региональную политику. Бесконечные военные кампании воинственных тюркских вождей привели к непомерному росту налогового гнета, разорению крестьянства, упадку торговой и ремесленной активности в городах. Закономерное недовольство новыми порядками неоднократно становилось причиной восстаний, например, в Хорезме в 1016-1017 гг., жестоко подавляемых тюркской военщиной.

Прогрессивные, гуманистические и патриотические идеи, выдвинутые центральноазиатским Ренессансом, в условиях иностранной оккупации региона были отвергнуты в угоду религиозной реакции. Понижение общего интеллектуального уровня было напрямую связано с низкими эстетическими запросами новой региональной элиты – тюркских ханов (илеков, тегингов, беков), племенных и клановых вождей, их вооруженных вассалов, наемников и гулямов. По сравнению со своими противниками, караханидскими и газневидскими тюрками – типичными солдафонами, Саманиды и в частности Мунтасир, были образованными людьми, ценившими и понимавшими искусство. Сам последний Саманид был практикующим поэтом, до нас дошло следующее его стихотворение:

Я часто слышу: «Для чего ты бежишь от жизненных даров?

Ты мог бы жить в хоромах пышных, среди узорчатых ковров».

Ужель на музыку и пенье сменю я меч и трубный зов?

Ужель не лучше конский топот бесед застольных и пиров?

Кипенье крови на кольчугах всегда я предпочесть готов
И пьяным поцелуем кравчих, и таинству хмельных пиров
Поля сражений, свод небесный – вот лучший трон мой, лучший кров.

Стрела и лук – мои тюльпаны и лилии моих садов¹¹.

Новые тюркские властители Центральной Азии напротив демонстрировали полное равнодушие к прекрасному. выдающиеся деятели культуры, воспитанные предыдущей просвещенной эпохой в условиях новых реалий подвергались репрессиям и травле. Ярким примером подобного отношения служат биографии двух крупнейших деятелей мировой культуры Абулкосима Фирдоуси и Абуали ибн Сино.

Фирдоуси, закончивший первую часть «Шахнаме» в 994 г., вторую смог завершить только в 1010 г., то есть после падения Саманидов. Поэт сделал попытку преподнести ее новому владыке родного Хорасана Махмуду Газневи. Последний не только не оценил, сделанного подарка, но всячески поощрял притеснения Фирдоуси фундаменталистским духовенством и завистниками. Через несколько лет величайший из поэтов Востока скончался в нищете и атмосфере нетерпимости, созданной вокруг него газневидским режимом. Родственникам даже не было позволено похоронить покойного на мусульманском кладбище и он был похоронен в своем саду в Тусе (ныне развалины города расположены в 25 км. от совр. Мешхеда).

Не меньше испытаний выпало на долю другого выдающегося ученого, мыслителя и литератора ибн Сино. Подобно Фирдоуси, после утверждения в Центральной Азии тюркских милитаристских режимов он подвергся гонениям. В поисках спасения от них он в разное время скрывался в Ургенче, Абиверде, Гургане, Рее, Казвине, Хамадане и Исфахане. Ибн Сино скончался в 1037 г. от тяжелой болезни, вызванной лишениями и невзгодами скитальческой жизни, в самом расцвете своего творчества.

¹¹ Рудаки. – Сталинабад, 1949. с. 119.

Привыкшие за свою многовековую историю к опустошительным иноземным вторжениям, жители Центральной Азии научились довольно быстро восстанавливать порушенное. И до того, после завоевания арабов и в последствии после монгольских и тимуридских погромов трудолюбивым дехканам и жителям древних городов, в общем, удавалось возобновлять уничтоженный экономический и культурный потенциал своего региона. Тем не менее, в известном смысле тюркское завоевание все же стоит особняком, поскольку целый ряд знаний в области ирригационных технологий и земледелия после XI в. был утрачен навсегда, а литературные высоты, достигнутые центральноазиатскими поэтами в эпоху Саманидов, так и остались непревзойденными.